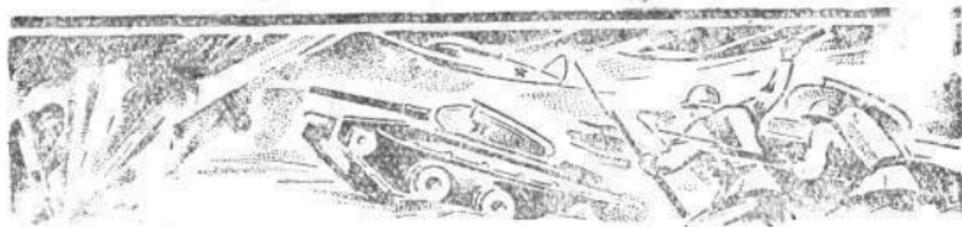

312345

!

312345 39

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА С ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ .

Ал. Амасович

БЕССТРАШНЫЙ ИСТРЕБИТЕЛЬ

ОГИЗ

Саратовское областное государственное издательство

Саратов

Колхозники возвращались с покоса. Дорога к селу вела между двух высоких стен золотистой тучной ржи. Со стороны были заметны лишь колыхающиеся над морем колосьев грабли и косы, фигуры же самих людей совершенно терялись в гуще нивы.

— Семьдесят лет живу на свете, — с восхищением говорил кряжистый, бородатый колхозник, — а такие хлеба в первый раз вижу.

— А как вы, Василий Панкратьевич, насчет пшеницы думаете? — почтительно спросила молодая, шагавшая рядом.

— И пшеница уродится первый сорт, — уже видать! — с уверенностью ответил старик. — Одним словом, урожай такой соберем — держись гитлеровская шайка! Ведь ему, подлецу, что зерна нашего центнер, что бомба советская — урон одинаковый!

Косари подходили к правлению колхоза. Со ступенек крыльца навстречу им быстро сбежал незнакомый мужчина в защитной гимнастерке.

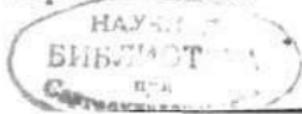
— Кто из вас Терехин, Василий Панкратьевич? — торопливо спросил он.

— Я — Терехин, — степенно отрекомендовался бородатый колхозник.

Приезжий горячо пожал старику руку.

— От всего сердца поздравляю вас, Василий Панкратьевич! Только сегодня утром получили известие... Специально прислали из города Вам сообщить...

О чем это вы?.. Неужели, Николай?.. — тревожно спросил Терехин-отец.

39

Старший лейтенант
Н. В. ТЕРЕХИН

— Да, да, он — Николай Васильевич. Сын Ваш, Николай Васильевич, удостоен высокой награды! — И, обращаясь ко всем присутствующим, приезжий громко объявил: — За героизм и мужество, проявленные в боях с германским фашизмом, правительство наградило земляка вашего — Николая Терехина — Орденом Ленина.

— Колю? Орденом Ленина? — тихо проговорил Василий Панкратьевич, и лицо его озарилось радостью.

Через полчаса в селе Чардыме, ~~Допатинского района~~, состоялся митинг. На митинг пришли все — старики, молодежь, дети. Тепло, с любовью говорили колхозники о своем славном односельчанине. Вспоминали, как Николай, будучи еще пионером, горячо и страстно убеждал стариков вступать в колхоз. Сколько энергии и деловитости проявлял он в дни, когда в районе выкорчевывались последние остатки кулацких гнезд! И у своих сверстников и у взрослых юноша пользовался большим авторитетом. Недаром, имея всего четырнадцать лет от роду, он был избран секретарем комсомольской организации Чардыма...

22 июня фашистская Германия разбойнически напала на нашу страну. На защиту великой родины поднялся весь советский народ. В числе первых защитников, показавших в боях за родину образцы мужества и отваги, был Николай Терехин. И вот он — орденосец. Чувство гордости за своего питомца, за родное село наполнило сердца чардымцев. И не только это: в героической деятельности славного земляка они увидели пример для себя, призыв к еще большей сплоченности вокруг партии ~~Ленина — Сталина~~ для победы над злым врагом человечества — фашизмом.

— Подвиги Николая Терехина,— говорил на митинге председатель Чардымского колхоза,— всех нас ко многому обязывают. Охраняя родной народ, нас с вами, Терехин не щадит своей жизни. Плечом к плечу с Николаем дерутся десятки наших сыновей, братьев, отцов. Так пусть же каждый из нас в своей жизни и работе стремится к тому, чтобы быть похожим на наших мужественных защитников...

* * *

Июльский зной начинал спадать. В воздухе уже чувствовалась живительная прохлада. От самолетов на примятую траву аэродрома ложились длинные тени. Под плоскостями тупоносых истребителей в дружеской беседе проводили свой короткий отдых летчики Энской авиачасти. Позади, в тылу, раскинулся город В., где жили и трудились родные и близкие советские люди. Впереди—зона, через которую то и дело пытался прорваться враг. На этом ответственном воздушном рубеже немало уже пришлось потрудиться летчикам Терехину, Бычкову, Соболеву, Чистякову. Сейчас, отдыхая после очередной воздушной операции, они горячо, с увлечением обсуждали свои полеты, детально разбирая каждый маневр.

— Думается мне,— делился своими мыслями с друзьями Николай Терехин,— что секрет победы над врагом в том, чтобы быть стойким. Как тебе ни худо, назад—ни шагу. И о своей смерти не думать. О смерти вообще, конечно, можно думать, но только о смерти врага.

Последние слова были прерваны разнесшимся над аэродромом сигналом—„Воздух!“ Ровно через минуту самолет старшего лейтенанта

Терехина оторвался от земли. Задание истребителю было лаконично и ясно—не подпускать вражескую авиацию к городу В.

Последующие события разворачивались с молниеносной стремительностью. Терехин обнаружил в воздухе три бомбардировщика „Хейнкель-111“. Фашистские самолеты, доотказа набитые смертоносным грузом, держали курс на город В. Ненависть родила могучий прилив мужества.

— Не видать вам, бандиты, нашего города! Здесь будет вам могила,—решил Терехин и смело бросился в атаку.

По началу он наметил разделаться с крайним бомбардировщиком. Фашисты открыли по истребителю бешеный огонь. Терехин, ловко маневрируя, увертываясь от града пуль, приблизился к бомбардировщику. До последнего момента Николай Васильевич экономил патроны. Сейчас, когда уже простым глазом можно было различить ненавистные лица фашистов, промаха быть не может. Терехин нажал гашетку пулемета. Резко прозвучала короткая меткая очередь; за ней—другая, третья. Вот уже беспомощно поникла подлая голова гитлеровского стрелка. Не уйти от бесславной гибели и пилоту! Главное—не дать опомниться. Не было случая, чтобы фашисты выдержали натиск советских соколов.

Еще одна пулеметная очередь разит мотор „Хейнкеля“. Машина заваливается на бок, раз—другой кувыркается через голову и с неудержимой силой рушится вниз. Только на короткое мгновение перевешивается Терехин за борт, и этого достаточно, чтобы увидеть бурное пламя, в котором гибнет крылатый разбойник, ейменный паучьими лапами свастики.

— Один есть!—спокойно ведет свой счет старший лейтенант Терехин.

Крутой боевой разворот. Летчик приготовился к новой схватке. Но что это? Неужели его планам не суждено осуществиться? Так и есть, фашистские летчики, напуганные судьбой уничтоженного самолета, не хотят принять боя. Они обращаются в бегство. Эту манеру врага Терехин уже успел хорошо изучить. Стервятников натаскали бросать бомбы на мирные города, но где уж им взять смелости для открытого боя!

— Все равно не уйдете,—решает Терехин.— Вперед, в погоню!

Отважный истребитель все ближе и ближе нагоняет противника. Пулеметные очереди неотвратно настигают черные тела „Хейнкелей“. Хвостовые пулеметы врага отстреливаются вяло и неуверенно. Внимание обоих фашистских экипажей обращено только на то, чтобы безнаказанно улизнуть. Они выжимают из своих моторов все, но отважный истребитель ни на мгновение не выпускает их из огневого кольца. Еще несколько очередей и враг будет добит.

Увлеченный боем Терехин не заметил, когда иссякли патроны. Но и обнаружив это, он не прекращает погони. Маневрируя, он пытается задержать противника до того момента когда залетит в эту зону кто-нибудь из друзей-истребителей.

Фашисты, заметив, что разивший их пулем внезапно затих, осмелели. Они сменили курс, взяв направление на железнодорожный узел, на который рассчитывали сбросить бомбы. На дороге бандиты пытаются разделаться с окрылым ястребком. Терехин пренебрег

смертельной опасностью. Даже в этой сложнейшей обстановке он целиком захвачен одной мыслью—ни в коем случае не подпускать фашистов к железной дороге, добить их здесь же, чтобы никогда больше не поганили советской земли!. Но как? Патронов больше нет, на помощь быстро рассчитывать нельзя. В голове мгновенно рождается смелое решение—уничтожить фашистов своим самолетом. Правда, эта победа будет ему стоить жизни, но долг патриота будет выполнен до конца.

Снова в атаку! Настигнув одного из противников, Терехин бросает свой истребитель прямо на фашистский бомбардировщик. Счастливая случайность спасает жизнь Терехина. Воздушная струя от мощных моторов „Хейнкеля“ сдувает немного в сторону шедший тараном самолет, и ястребок вместо того чтобы врезаться в бомбардировщика мотором, рубит плоскостью стервятнику хвост. Потерявший управление, изуродованный „Хейнкель“ беспомощно валится на землю.

Советский летчик вышел победителем из отчаянной схватки. Пытаясь снова набрать высоту, он судовлетворением отдувается:— „Двум уже конец“. Но успокаиваться рано—третий „Хейнкель“ еще недобит. Оттуда открыли ожесточенную стрельбу—пули так и свистят над самым ухом истребителя.

Терехин в момент оценивает положение: ястребок при столкновении получил серьезные повреждения—ему теперь не дотянуть до роддома; машина продержится в воздухе считанные секунды; максимум, что можно еще выстоять, это—200—300 метров; как раз такое расстояние отделяло Терехина от вражеского бомбардировщика. Повторить маневр!

Зайдя „Хейнкелю“ в хвост, Терехин снова тараном бросается на врага. Охваченный пламенем стервятник валится на землю.

В этом столкновении гибнет и ястребок, но отважный летчик в последний момент успевает выброситься за борт.

Почти у самой земли раскрывается парашют. Терехин приземляется в расположении частей Красной Армии. Только сейчас он замечает, что лицо его залито кровью (в момент столкновения летчик ударился о борт самолета). Но все это ему кажется таким незначительным в сравнении с чувством великой радости победителя, наполнившей его сердце.

В госпитале Николай Васильевич пролежал недолго. Как и большинство наших патриотов, он рвался в новый бой с фашистскими варварами.

Впрочем, об этом хорошо рассказал поэт К. Симонов в поэме „Секрет победы“:

В госпитале Терехин
 Не пробыл и двух часов,
 — Воздух аэродромов
 Мне лучше всех докторов.
 Лежал на аэродроме
 В повязках, в белых бинтах,
 Смотрел, как его ребята
 Идут над ним в облаках.
 Семь дней пролежал, крепился,
 Завидовал всем друзьям,
 Сел на восьмой в машину
 Повел эскадрилью сам...
 У храбрых есть только бессмертье
 Смерти у храбрых нет,
 Не хочешь смерти — будь храбрым
 Вот вам и весь секрет...

9 июля 1941 года, когда был опубликован Указ правительства о награждении орденом Ленина особо отличившихся в боях с фашизмом бойцов и командиров, многие жители Саратова, увидев в списке награжденных имя Николая Васильевича Терехина, с гордостью восклицали:

— Так это же наш Николай!

Многочисленные друзья и знакомые с нетерпением ждали момента, когда смогут крепко пожать руку своему славному, отважному земляку. В победах Терехина каждый советский патриот чувствует и свою победу, ибо Терехин кровь от крови, плоть от плоти своего народа.

Десять лет назад, 15-летним комсомольцем приехал Николай Терехин в Саратов. В автодорожном техникуме, где он учился, о Николае сохранилось воспоминание, как о серьезном и старательном студенте. Молодежный коллектив выдвинул Терехина секретарем комсомольского комитета.

Решающим периодом своей жизни Николай Васильевич считает лето 1934 года. Это было время челюскинской эпопеи.

— Я не спал, просиживал над картами и сводками спасательной экспедиции,— рассказывает Терехин.— Все мои мысли были с Водопьяновым, Ляпидевским, Каманиным. Их бесстрашные подвиги и блестящая выучка показывали, каким должен быть советский человек. В те дни во мне родилось и окрепло твердое решение—навсегда связать свою жизнь авиацией. А тут еще в летную школу поехали мои приятели по техникуму. Их увлекательные рассказы о занятиях в школе совсем тревожили меня. С трудом я дождался

времени, когда мне исполнилось 18 лет, и подал заявление о принятии добровольцем в Красную Армию.

В сентябре 1934 года Николай Терехин был зачислен в Энскую авиационную школу. Навсегда остался в памяти юноши тот знаменательный день, когда он впервые поднялся в воздух.

— Выйдет из тебя летчик, — сказал инструктор Мартьянов, когда учебная машина приземлилась на аэродроме.

Похвала наполнила юношу гордостью. И еще больше страсти и энергии стал вкладывать в учение Терехин. Успеваемость по всем предметам у него была отличная. Дисциплина образцовая. Летал он без происшествий, ни единой поломки не имел за все время пребывания в школе.

Изучая любимое дело, Терехин много работал над повышением своего общеобразовательного уровня. Особенно велика у него была и поныне сохранившаяся тяга к социально-экономическим наукам. Любимые книги Николая — труды Маркса, Ленина, Сталина. С живым интересом знакомился он и с сочинениями Толстого, Бальзака, Горького, Гюго и других великих писателей.

Авиашколу Николай Васильевич Терехин окончил с отличием; в послужном списке его было записано несколько благодарностей от командования.

В 1937 году началась боевая служба в Энской авиачасти. Практически молодой истребитель руководил Савкин, в части которого Терехин стал военным комиссаром. Много практических советов и указаний

колай от командира эскадрильи. С грустью прощался капитан Савкин со своим талантливым питомцем, когда в начале 1939 года тот был переведен в другую часть. Летные успехи Терехина обратили на себя внимание командования. В конце прошлого года его назначили командиром эскадрильи.

* * *

День начала отечественной войны застал Николая Васильевича Терехина в городе О., вдали от своей части. Но в городе стояла часть, в которой до этого служил Терехин. Не теряя времени, он отправился к своему старому командиру, а через несколько часов уже вел свой истребитель на линию фронта.

Вечером 22 июня Терехин сделал свой первый боевой вылет на передовые позиции. В нагрудном кармане старшего лейтенанта бережно хранится маленькая записная книжечка. Ее странички испещрены сухими и короткими записями.

22 июня — 3 полета.

23 июня — 4 полета.

24 июня — 4 полета.

28 июня — 7 полетов—... 5 часов 20 минут в воздухе.

30 июня — 4 полета.

Эти сухие заметки означают, что боевой день старшего лейтенанта Терехина, скажем, 30-го июня, складывался следующим образом.

Утром Терехин вылетел на патрулирование юга Л.

Затем он производил воздушную разведку южн. фронтом противника. Здесь была произведена бомбовая зачистка вражеских танков и бронемашин.

Вечером было совершено еще два патрульных полета. В четвертый полет эскадрилья Терехина повстречалась с десятью вражескими бомбардировщиками. Был жестокий бой, из которого эскадрилья вышла победительницей, сбив 3 „Хейнкеля“ и не потеряв ни одного своего самолета. Ни один вражеский бомбардировщик не был подпущен к городу. Когда Терехин приземлился на аэродроме товарищи насчитали в корпусе его самолета 60 пробоин.

Почти каждый летный день Терехина был отмечен боевыми подвигами. Так, 10 июля вместе с младшим лейтенантом Бычковым Терехин сбил 2 фашистских „Дорнье-17“. 11 июля он сбил истребитель „Мессершмитт-110“. 12 июля Терехин участвовал в крупном воздушном бою. 16 июля вместе с товарищами он сбил в воздушном бою вражеский бомбардировщик. 20 июля сбил в бою „Мессершмитт-110“.

Выдающуюся отвагу и большую находчивость проявил Терехин в воздушной операции под городом Л. Вместе с летчиками-истребителями Чистяковым и Соболевым он прикрывал наземные войска с воздуха. В момент, когда задание было завершено и надо было разворачиваться обратно на аэродром, истребители заметили два бомбардировщика „Дорнье-17“. Терехин быстро сообразил: давать врагам бой здесь же, на месте, не было смысла—фашисты могли пуститься наутек, и тогда пришлось бы их упустить, так как горючее в баках истребителей было на исходе. Посигналив товарищам, командир эскадрильи пропустил бомбардировщики в тыл.

План Терехина состоял в том, что истребитель „Дорнье“ поближе к своей базе уже действовать наверняка. В э

в небе появились два вражеских „Мессершмитта“. Они стали заходить машине Терехина в хвост, но когда советский истребок развернулся и приготовился к бою, „Мессершмитты“ пошли на попятный. Оставив бомбардировщиков, они поспешно удалились во-свояси.

Вскоре Терехин дал товарищам сигнал — в атаку! Фашисты, видя, что дело для них складывается скверно, сбросили бомбы в речку и пытались спастись бреющим полетом. Терехин решил провести „психическую атаку“. Дождавшись момента, когда один из „Дорнье“ шел низко над лесом, Терехин бросил свою машину в пикэ. Фашистский летчик, увидев несущийся прямо на него с бешеной скоростью истребитель, в панике рванул свою машину вниз и на полном ходу, рассыпаясь по кускам, врезался в лесную чащу. Терехин рассчитал пикирование до сотой доли секунды и, когда истребок почти коснулся корпуса „Дорнье“, успел резким движением вывести машину из пикэ и взвиться кверху.

В другой раз к тому же пункту прикрытия летели капитан Переверзев и Терехин. Встретив двух истребителей „Мессершмитт-110“, советские летчики сразу бросились на них в атаку. И с удивлением отметили, что немецкие истребители, вопреки своим обычаям, охотно вступили в бой. В чем дело? Не было еще такого случая, чтобы две немецкие машины бивали бой против двух советских — фашисты боятся на это только тогда, когда их вдвое, а то и больше. Вскоре все разъяснилось... Из-за маневров выскочило еще пять „Мессершмиттов“. Благодаря смелости и храбрости фашистов.

В течение около 15 минут продолжался этот неравный бой, в котором Переверзев и Терехин показали

чудеса храбрости, боевой выучки и находчивости. В этом бою капитан Переверзев погиб. Терехину пришлось одному сражаться против семи разбойничьих самолетов. Но фашисты, даже имея такой колоссальный перевес, не смогли ничего сделать с героем-летчиком. Его обстреливали трассирующими пулями с семи самолетов, со всех сторон, а он то взвивался кверху, то почти припадал к самой земле и оставался неуязвимым. Железное самообладание и боевая хитрость помогли Терехину. Он вырвался из вражеского окружения и благополучно вернулся на свой аэродром.

* * *

Николай Васильевич — скромнейший человек. О боевых эпизодах т. Терехин рассказывает так, словно не он, а кто-то другой награжден за мужество и отвагу. Зато каким гневом горят его глаза, когда речь заходит о тех, кого он поджигал и таранил в воздухе.

— Каждый сбитый нами фашистский самолет, — говорит Терехин, — удар в самое сердце Гитлеру и всей его своре. ~~Мы будем бить фашистские самолеты, громить дивизии, взрывать на воздух их танки.~~

— Уже за первые недели войны, — рассказывает он, — советские летчики научились крепко бить немцев, детально изучили их слабые места. А этих слабых мест, кстати сказать, у них хоть отбавляй. Как дым рассеивается легенда о непобедимости фашистских банд, с которой трубили гитлеровские приспешники. Мужество отсутствует даже в лётных кабинах, а ведь известно, с какой тщательностью работали фашисты кадры своей авиации. И как мало сейчас уверены фашистские летчики в своих летчиках показывает хотя

характерный факт. Раньше все немецкие летчики вылетали с парашютами и в случае необходимости могли ими пользоваться. Сейчас, по приказу Гитлера, только офицеру доверяется парашют. Остальным трем членам экипажа иметь парашюты категорически запрещено. Вызвано это тем, что достаточно было советским машинам атаковать фашистские бомбардировщики, как немцы пускали самолет в пике, а сами сбрасывались на парашютах.

Впрочем, меры эти мало действуют. Раньше немцы сдавались в плен, спускаясь на парашютах. Теперь, когда парашюты у летчиков-рядовых отобрали, они сдаются, опускаясь на самолете. Нет, не важны дела у господ фашистов!

* * *

Провожая сына в действующую армию, Василий Панкратьевич наказал ему:

— Фашисты пришли поживиться на нашей земле: отведать нашей пшеницы, попить нашей водицы. Что же, угости их хорошенько, да так, чтобы подавились они раскаленным металлом и захлебнулись собственной кровью!

Хорошие слова сказал своему сыну Василий Панкратьевич Терехин. Мужественные, советские слова.

~~Можешь быть спокоен, Василий Панкратьевич, ты вырастил хорошего сына. Он в точности выполняет отцовский наказ.~~

312345

БИБЛИОТЕКА

Редактор И. Котов

Корректор З. Чуднова

Готово к печати 18/VIII 1941 г. НГ8453. Тираж 10000.
— издат. 0,5 л. Печати. 1/2 л. Знак. в бум. л. 105000.
Цена 5 коп.

ратов. Типография Облместпрома. Заказ № 4703.

